

«Я должна разобраться в этом сама. Без Ордена и без тебя» – сказала Асока, потупив взгляд.

Энакин смотрел на спину своего падавана с грустью в глазах. Он часто размышлял о том, что иногда сам хотел уйти от Ордена и никогда не оглядываться назад. Он чувствовал себя частью этой войны, но он чувствовал, что чем дольше он оставался в Совете, тем больше он терял себя. Но он терял не только себя, но и тех, кто был ему дорог. Его мать умерла, потому что его не было рядом, теперь собирается уйти Асока. Сколько времени пройдет до того, как то же самое случится с Рексом, Падме или Оби-Ваном? Как долго он должен ждать, пока люди, которые ему небезразличны, будут одни за одним покидать его? И из-за чего!? Из -за Ордена, несущего “мир”?

Энакин, сжал кулаки и смотря на землю, впал в раздумья, и в этот миг перед его взором пронеслись картины прошлого.

Раненый Оби-Ван падающий с высоты десятка футов¹ ... его «могила», которой являлся клочок ткани, прикрывающий то, что когда-то было его телом ... десятки тел гражданских убитых сепаратистскими дроидами, когда те проходя через деревни убивали их целыми семьями ... и падме, медленно уходящая от него, когда он делал все что бы защитить ее ...

Внезапно Энакин издал низкий рык, который заставил Асоку резко повернуться к своему мастеру. Взглянув на него Асока увидела, как он сжимает кулаки, а его лицо выражает одновременно злость и разочарование.

«Больше никогда. Я больше никогда не проигрываю ...» – сказал Энакин, его разочарованный голос стал печальным. «... и я больше никого не теряю!».

В этот момент она увидела те эмоции, которые ее мастер обычно скрывал, помимо юмора или гнева которые он обычно показывал, эти эмоции были тем, что вырывались из него когда он доходил до ручки. Внезапно она смогла ощутить, нет. Не только ощутить, но и почувствовала его боль, его тоску и его страх. И было очевидно, что все это терзало его очень давно, скорее всего, с самого начала войны.

«Энакин?» – спросила Асока, используя его настоящее имя. Сделала она это по нескольким причинам. Во-первых, она не смогла себя заставить назвать его мастером, перед тем как уйти, во-вторых, она понимала, что в этой ситуации нужен деликатный подход. Она понимала, что ее уход сильно ударит по нему, но те эмоции что испытывала сама Асока не уступали по силе эмоциям Скайуокера.

Энакин сначала посмотрел на свою металлическую руку, потом перевел взгляд на здоровую, на которой был закреплен его комлинк. Он знал, что если останется, то в конечном итоге потеряет всё и всех, кто был ему хоть сколько-то дорог. Ну или по крайней мере, он будет вынужден смотреть, как они умирают. Он даже признался самому себе, что уходит потому, что боится этого, но ему было плевать.

Поэтому он раздавил комлинк своей металлической рукой. Глаза Асоки расширились при виде его действий, но он посмотрел на своего падавана и нежно, положив руки ей на плечи, заставил посмотреть себе в глаза .

«Я пойду с тобой» – сказал ей Энакин. И его голос был твердым, таким, каким он бывает тогда, когда Энакин предельно серьёзен с ней. Асока покачала головой. Она ничего не могла поверить в то, что ради нее он готов сделать что-то столь безрассудное, и она не хотела, чтобы он пошел на это.

«Я не хочу, чтобы ты это делал» – ответила она.

«Я могу честно сказать тебе, Шпилька, одна из причин почему я ухожу - это ты. Я... я могу честно сказать, что я уже на пределе. Я подошел к черте» – сказал Энакин. Его голос был серьезен, но она слышала в нем разочарование.

«Я...Совету плевать них. Много раз они не обращали внимания на чувства других, принося их в жертву собственных амбиций. И не только это, ты слышал его там?» – сказал Энакин, и его слова были наполнены ядом, а голос звенел от гнева. И Асока поняла, что никакие слова не смогут успокоить его.

«Слышала кого?» – нерешительно спросила Асока. Она понимала, что если ответить, то это может привести его в еще большую ярость. Правый угол его рта дернулся, а его губы искривились в ухмылки. Она много раз видела, как Энакин злится. Но сейчас он выглядел так, словно собирался кого-то убить.

«Винду!» – внезапно закричал Энакин, при этом не используя уважительное, мастер. Для него он больше не был мастером, не был его наставником. – «Он говорил про тебя и твой побег, и про то, что он неустанно гонялся за тобой, как будто так и должно. А ведь он знал, они все знали, что объявили тебя вне закона и относились как к предательнице! Ну и пошли они все нахер! Нахер этот Орден! Нахер эту войну!»

Повернувшись, Энакин был переполнен желанием что-нибудь разрушить или кого-нибудь убить. Будь то жестокий ситх или бессердечный джедай. И он хотел сделать это не с помощью силы и светового меча, нет. Он хотел порвать их голыми руками. И оставить их тела лежать поломанными куклами.

Асока повернула Энакина к себе, успокаивающе погладила его по щеке. Злые и полные ненависти голубые глаза встретились с другой парой голубых глаз, которые были наполнены сочувствием и пониманием. Энакин никогда не чувствовал такого понимания от кого-либо. Один взгляд в ее глаза заставил его собственный взгляд смягчиться, а злость уйти, как будто ее и не было. Шумно выдохнув Энакин расслабил плечи и раскрыл кулаки.

«Я верю, что все это время тебе было еще тяжелее, чем мне, просто ты скрывал это лучше чем я, но... для тебя по-прежнему есть здесь место, а для меня нет» – Сказала ему Асока.

«Ты ошибаешься» – ответил Энакин и, сняв перчатку с левой руки отбросил ее в сторону. Он сомкнул свои пальцы, вновь ощутив тепло своей кожи. Он чувствовал, что к нему возвращается часть его человечности. С самого начала войны он верил, что если он заставит свои руки ничего не чувствовать, то это заглушит его эмоции. Таким образом он пытался усыпить свою человечность, чтобы он мог быть джедаем и воином, которым он должен был быть на этой войне. Поэтому, сняв перчатки, он почувствовал, что часть его жизни вернулась, той жизни, которую отняли у него джедаи.

«Ты не обязана идти вместе со мной. Но я все равно уйду, с тобой или без тебя. Если ты хочешь оставить в прошлом все, что напоминает тебя о джедаях, я смогу это понять. Я ... я теряю свою человечность, оставаясь здесь, но я не хочу продолжать терять ее и дальше. Я не настолько предан Ордену, чтобы полностью лишиться ее» – сказал Энакин. Он осторожно снял руку Асоки со своего лица и легонько сжал ее, прежде чем пройти мимо. Но он не успел уйти далеко, как Асока сама схватила его за руку.

Энакин остановился и оглянулся на своего падавана, которая пристально смотрела на него так, как будто его ответ был единственным, о чем она думала, хотя там было много чего еще.

«Если это твое окончательное решение, тогда мы могли бы уйти вместе. Лучше иметь с собой спутника, чем идти в одиночку, верно?» – сказала Асока с легкой улыбкой. Энакин тоже слегка улыбнулся, и пропуская ее вперед, при этом аккуратно проведя своей металлической рукой по ее обнаженной спине.

«После тебя, Шпилька» – сказал он, подвинувшись так, чтобы она смогла пройти. При этом краем сознания он заметил что улыбается также, как и она.

«Ну, спасибо, Скайрокер?» – ответила Асока, пройдя мимо него. Энакин последовал её примеру и они спустились по ступеням храма. Удивительно, но их не видела ни одна живая душа. Только несколько человек смогли почувствовать интенсивность их эмоций, исходящих от ступеней храма. Йода задумчиво нахмурился, в то время как во взгляде Палпатина появилась настороженность. Случилось что-то, что даже он, могущественный ситх, не смог предвидеть.

«Масс» – сказал Палпатин.

«Да, канцлер?» – спросил чагрианин.

«Передайте кому-нибудь в храме, я хочу увидеть мастера Скайуокера. Я бы хотел поговорить с ним» – сказал Палпатин.

«Да, канцлер» – кивнул чагрианин, выходя из комнаты, а Палпатин задумчиво скрестил пальцы.

<http://tl.rulate.ru/book/60417/1559807>